

Кирилл, архиеп. Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна [Кн. 10: гл. 2 (Ин. 15, 1—2)] / Пер. и примеч.

М. Д. Муретова // Богословский вестник 1909. Т. 1. № 1.

С. 321—336 (1-я пагин.).

— 321 —

кимъ лукавствомъ извращая сообразно предположенной имъ себѣ цѣли. Мы же, вездѣ держась истины, будемъ разсуждать не такъ, и далеко не такъ,—руководясь разумѣніемъ святыхъ отцовъ нашихъ, послѣдуемъ догматамъ истины. Какъ надлежитъ разумѣть значеніе толкуемыхъ словъ, изслѣдуемъ это не безъ знанія дѣла, сколько это намъ доступно. Должно разсмотрѣть опять, какимъ образомъ надо намъ вооружаться и сражаться противъ ихнихъ разсужденій. Правда, если и обойти молчаніемъ (эти разсужденія), то никакого вреда не произойдетъ отсюда для умовъ простецовъ, и мы можемъ, справедливо пренебрегши заниматься пустыми разсужденіями, перейти къ разсмотрѣнію слѣдующихъ далѣе словъ. Но такъ какъ такое ученіе, принятое кѣмъ либо, можетъ принести не малый вредъ, то развѣ не слѣдуетъ намъ, подвижныхъ боголюбовою ревностію, вступать въ сраженіе посредствомъ разсужденій и словъ? И тогда будетъ совершенно яснымъ лукавство противниковъ.

И прежде всего скажемъ, что весьма глупо и неумѣстно понимать какъ указаніе на природу или на сущность то, что взято въ качествѣ примѣра и приведено для сравненія предмета. Вѣдь желающимъ правильно понимать каждое слово (священнаго текста) надо, какъ полагаю я, обращать вниманіе на цѣль изреченія и съ великою тщательностью разсматривать, что имѣетъ въ виду изрекающій слово, когда ведетъ бесѣду. И вотъ изъ самаго подлежащаго намъ (и толкуемаго) изреченія замѣчай опять, не покажутся ли тебѣ наши слова вполне справедливыми. У Спасителя Христа не было въ виду научить учениковъ тому, что Онъ есть по природѣ другой и Отецъ отличенъ отъ Него по природѣ, и не поэтому Онъ считалъ нужнымъ называть Родителя Земле-

дѣльцемъ, а Себя Самого виноградною лозою. Вѣдь если бы эта цѣль была у Него, то почему не остановилъ рѣчь на этомъ, не прибавивъ ничего другаго? Безъ всякой темноты Онъ сдѣлалъ бы указаніе на Свою цѣль, по нашему мнѣнію, если бы назвалъ только Себя и Отца. Теперь же, впереди представивъ Себя виноградною лозою, а насъ называя соединенными съ Нимъ на подобіе вѣтвей, потомъ усвоивъ Отцу занятіе земледѣліемъ ¹⁾, ясно и очевидно, думаю, даетъ видѣть всѣмъ, что отнюдь не указываетъ на что либо подобное вами предполагаемому, но посредствомъ какъ бы вещественныхъ и подлежащихъ тѣлесному взору примѣровъ хочетъ убѣдить слушателей въ томъ, что сила всякаго духовнаго плодоношенія у насъ—отъ Него, какъ безъ сомнѣнія и качество растущихъ на стволѣ вѣтвей—отъ него (ствола). Вѣдь все, что имѣемъ добраго, является въ насъ даннымъ (отъ Бога). Въ Богѣ же отнюдь нѣтъ, ибо Онъ Самъ въ себѣ есть первоначало Своихъ преимуществъ, славы и власти, Ему только одному подобающей. Посему Христосъ есть какъ бы „виноградная лоза“, а мы „вѣтви“. Если же Отца назвалъ „земледѣльцемъ“, то не говори, что (назвалъ такъ) какъ имѣющаго другую сущность. Не это хочетъ выразить, какъ мы сказали, но, желая указать на то, что божественная природа стала корнемъ и началомъ духовнаго плодоношенія въ насъ и жизни, кромѣ сказанныхъ благъ, какъ бы въ качествѣ нѣкоего земледѣльца, даруя и принося призваннымъ чрезъ вѣру въ общеніе съ нею проявленіе любви. Такимъ образомъ несходство примѣровъ не должно

¹⁾ Отсюда можно заключать, что св. Кириллъ читалъ прибавленіе: *сы отътви*, какъ въ нѣк.

имѣть никакого значенія въ отношеніи къ сущности, ибо не было въ намѣреніи у Спасителя Христа говорить теперь что либо объ этомъ, но образъ ученія (здѣсь) имѣеть другую цѣль.

Но такъ какъ глупецъ, по присущему ему неразумію, хочетъ утверждать неправду и говорить, что какое основаніе не воспрепятствуетъ, какъ бы отвлекши это изреченіе отъ прямой цѣли, направить его къ вочеловѣченію Христа, — вѣдь мы не соединены съ Нимъ по тѣлу и апостолы отнюдь не пребывали въ тѣлѣ Христовомъ какъ вѣтви, ни соединялись съ Нимъ такимъ именно образомъ, но (соединялись съ Христомъ) своимъ настроеніемъ и чистосердечною вѣрою: то намъ надо вкратцѣ сказать нѣчто и противъ этого, всюду показывая его неразуміе и отступленіе отъ прямого пути священныхъ писаній.

Что мы духовно соединяемся со Христомъ какъ своимъ душевнымъ расположеніемъ сообразно совершенной любви, такъ и правою и непревратною вѣрою, равно и добролюбивымъ и чистымъ умомъ, это отнюдь не можетъ отрицать смыслъ нашихъ догматовъ. Признаемъ даже, что это они говорятъ вполне справедливо. Но осмѣливаться утверждать, что у насъ нѣтъ совсѣмъ никакого общенія съ Нимъ по плоти, это, какъ покажемъ, всецѣло противорѣчитъ богодухновеннымъ писаніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не безспорно, или развѣ можетъ кто изъ здравомыслящихъ хоть сколько нибудь усумниться въ томъ, что Христосъ есть виноградная лоза въ этомъ отношеніи, а мы, представляя образъ вѣтвей, получаемъ изъ Него и отъ Него жизнь въ себя, — когда Павелъ говоритъ, что всѣ „мы одно тѣло во Христѣ, потому что одинъ хлѣбъ многіе мы, ибо всѣ отъ одного хлѣба причащаемся“ (Римл. 12, 5; 1 Кор. 10, 17). Пусть же намъ укажетъ

кто либо причину и приэтомъ разъяснить значеніе таинственной Евхаристіи (*eὐλογία*). Вѣдь она бываетъ у насъ для чего? Не для того ли, чтобы и тѣлесно вселять въ насъ Христа причастіемъ и общеніемъ святой Его плоти? Полагаю, что это правильно говорю. Такъ и Павелъ пишетъ, что стали „язычниками сотѣлесниками и сопричастниками и сонаслѣдниками“ Христа (Ефес. 3, 6). Итакъ, сотѣлесниками какимъ образомъ явились они? Именно такимъ, что, удостоившись причастія таинственной евхаристіи (*eὐλογία*), стали однимъ съ Нимъ тѣломъ, какъ безъ сомнѣнія и каждый изъ святыхъ апостоловъ. Иначе по какой причинѣ онъ назвалъ какъ свои собственные члены такъ и даже члены всѣхъ членами Христа? Вѣдь онъ пишетъ такъ: „не знаете ли, что члены ваши члены Христа есть? Итакъ, взявъ члены Христа, содѣлаю ли (ихъ) членами блудницы? Да не будетъ“ (1 Кор. 6, 15). Но и Самъ Спаситель говоритъ: „ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ“ (Іоан. 6, 56). Здѣсь надо особенно обратить вниманіе на то, что не по одному только настроенію, состоящему въ душевномъ расположеніи, будетъ пребывать въ насъ Христось, какъ говоритъ Онъ, но и по причастію, конечно природному. Какъ если кто, соединивъ одинъ воскъ съ другимъ и расплавивъ на огнѣ, дѣлаетъ изъ обоихъ нѣчто единое, такъ чрезъ приобщеніе Тѣла Христова и Честной Крови Онъ Самъ въ насъ и мы съ своей стороны въ Немъ соединяемся. Вѣдь иначе было не возможно, чтобы подвергшееся тлѣнію стало способнымъ къ оживотворенію, если бы оно не сочеталось тѣлесно съ тѣломъ Того, Кто есть жизнь по природѣ, тоестъ Единороднаго. И если не убѣждаешься моими словами, дай вѣру Самому восклицающему Христу: „истинно истинно говорю вамъ:

если не ядите плоти Сына человеческого и не пьете Его крови, не имѣете жизни въ себѣ: ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день“ (Іоан. 6, 53—54). Слышишь, какъ уже ясно говоритъ Онъ наконецъ, что если не ядимъ плоти Его и если не пьемъ крови Его, не имѣемъ въ себѣ, то есть въ своей плоти, жизни вѣчной. Подъ вѣчной жизнью совершенно справедливо надо разумѣть плоть Жизни, то есть (плоть) Единороднаго. Она воскреситъ насъ въ послѣдній день. Какъ и какимъ образомъ, объ этомъ выслушай, а я не замедлю сказать.

Такъ какъ она стала плотью Жизни, то есть отъ Бога и Отца возсіявшаго Слова, то перешла къ силѣ жизни (получила силу жизни) и невозможно для жизни терпѣть пораженіе отъ смерти. Поэтому какъ скоро въ насъ явилась жизнь, она уже не можетъ терпѣть узы смерти, но должна конечно побѣждать тлѣніе, такъ какъ не можетъ подвергаться ея власти. Вѣдь „тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія“, по слову Павла (1 Кор. 15, 50). Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ съ особенною выразительностью говоритъ, что Я воскрешу его, то не одной только Своей плоти усваиваетъ силу воскрешать умершихъ, но, будучи единымъ съ Своею плотью сущій въ ней Богъ-Слово, говоритъ: „Я“, и исполнѣнъ справедливо. Ибо Христосъ не дѣлится на двоицу сыновъ, также и тѣло Его никто не можетъ представить чуждымъ Единородному, какъ безъ сомнѣнія и наше тѣло, думаю, никто не назоветъ чуждымъ нашей душѣ.

Такимъ образомъ и изъ этихъ разсужденій для насъ становится яснымъ, что Христосъ есть виноградная лоза, а мы—вѣтви, такъ какъ имѣемъ общеніе съ Нимъ не только духовное, но и тѣлесное. Поэтому

зачѣмъ напрасно болтаешь на насъ, указывая на то, что такъ какъ мы не въ тѣлесномъ находимся съ Нимъ общеніи, но чрезъ вѣру и настроеніе, по закону любви, то не плоть, говоришь, Свою назвалъ виноградною лозою, а напротивъ—божество. Но зачѣмъ же, можно спросить, оставивъ ближайшій и болѣе соотвѣтствующій смыслу изрѣченія образъ, ты устремляешься къ гораздо болѣе отдаленному? Развѣ не естественнѣе представлять Іисуса виноградною лозою именно по общенію плоти, а себя самихъ вѣтвями по причинѣ единства природы? Вѣдь единоприродны виноградной лозѣ ея вѣтви. Утверждаемъ это не съ намѣреніемъ уничтожить наше единеніе со Христомъ посредствомъ какъ правой вѣры такъ и чистосердечной любви, но желая напротивъ показать, что и духовно и тѣлесно виноградная лоза есть Христоръ, а мы—вѣтви.

Какъ ни просто и ясно слово истины, противникъ злоехидно отказывается признать, чтобы Христоръ былъ виноградною лозою тѣлесно, какъ дарующій жизнь Своимъ вѣтвямъ, тоестъ намъ, какъ чувственная и земная виноградная лоза—растущимъ на ней вѣтвямъ, но насильственно примѣняетъ смыслъ этого изрѣченія къ одному только божеству Его. Онъ опять нашелъ возможность клеветать на него (божество Сына), невѣжественно рассуждая такъ: „если виноградная лоза есть Сынъ, говоритъ, а земледѣлецъ—Отецъ, Сынъ же опять иноприроденъ (съ Отцемъ) какъ съ виноградною лозою (земледѣлецъ), то не единосущенъ будетъ Отцу Сынъ“, говоритъ.

Но хотя онъ и думаетъ, что выставляетъ противъ церковныхъ догматовъ какое-то глубокое, сильное и неопровержимое соображеніе, однакожь и здѣсь окажется нисколько не меньшимъ пустословомъ. II

во-первыхъ, считая Сына Единороднымъ по природѣ и полагая Его всѣ сущности Родившаго, какимъ образомъ можетъ уже называть Отца отцомъ и Сына сыномъ? Вѣдь если Онъ не рожденъ, то-есть не произошелъ изъ сущности Отца, какъ говоритъ онъ, подобно какъ и отъ людей происходятъ ихъ порожденія, то какъ Онъ будетъ истиннымъ Сыномъ? А потомъ, какъ отстранить онъ (еретикъ) слова блаженнаго Іоанна: „отрицающій Сына и Отца отринетъ, признающій Сына признаетъ и Отца“ (1 Іоан. 2, 23). Истинно это слово, ибо то и другое должно вмѣстѣ уничтожиться и существовать. Не можетъ быть отца, когда нѣтъ сына, также нельзя представлять и сына, если не мыслить вмѣстѣ съ нимъ и родителя. Если поэтому отрицаетъ Сына, ибо считаетъ Его инороднымъ, то отринуть и Самого Отца. Что же, любезнѣйшій, скажешь на это? Въ кого же наконецъ будетъ вѣра? Гдѣ слава Святой Троицы? Разрушается уже и исчезаетъ владычествующая надъ всѣмъ природа, простыми реченіями обозначенная намъ въ святыхъ писаніяхъ. Вотъ до какихъ нелѣпостей заставляеть насъ доходить ихнее безуміе и пустословіе.

Но быть можетъ, убоясь громадности богохульства, онъ утверждаетъ, что хотя (Сынъ) инороденъ, однакожь рожденъ отъ Бога и Отца. Въ такомъ случаѣ и мы съ своей стороны снова потребуемъ отвѣтить намъ: какое онъ признаетъ и допускаетъ рожденіе? Если какъ одно изъ твореній, по отношенію къ любви и волѣ (Бога), ибо все, какъ говорится, отъ Бога, то онъ нисколько не менѣе окажется повиннымъ тому же самому богохульству. Если же назоветъ рожденіе истиннымъ и въ то же время признаетъ его иноприроднымъ и назоветъ разнороднымъ и послѣ этого, то безъ сомнѣнія будетъ нечестовать на Самого Ро-

дившаго, ибо представить Бога допустившимъ то, чего не допускаетъ даже и природа тварей. Развѣ истинно рожденное отъ чего либо по природѣ не является единосущнымъ родившему? И развѣ это не всѣмъ очевидно? Итакъ, тварь происходитъ согласно надлежащему закону, ибо не рождаетъ инородное, а Бога только мы найдемъ допускающимъ противное (сему закону), какъ скоро Онъ родилъ Сына инороднаго и не изъ Своей природы.

Противъ этого нашъ противникъ уже не долженъ былъ бы ничего возражать. Но такъ какъ онъ не отказывается отъ присущаго ему неразумія и продолжаетъ считать Сына инороднымъ отъ Бога и Отца, то и мы не престанемъ защищать догматы истины и доказывать, что онъ (еретикъ) называетъ Бога и Отца сопринроднымъ (*ὁμογενῆ*) твари. Какъ это и почему, пусть опять выслушаетъ. Ясно утверждаетъ онъ, что виноградною лозою названа стнюдь не плоть, но само божество Единороднаго. Допустимъ, будто это такъ. Итакъ спрошу (еретика) и пусть онъ опять отвѣчаетъ намъ: признаетъ ли онъ Сына истиннымъ Богомъ, или нѣтъ, а назоветъ Его неистиннымъ и имѣющимъ это достоинство въ однихъ только звукахъ? Но если не признаетъ Его Богомъ по природѣ, то пусть приметъ свидѣтельство Самого Единороднаго, говорящаго о Себѣ: „Я есмь истина“ (Іоан. 14, 6). Вѣдь истина отнюдь не допускаетъ чего либо неистиннаго и лжеименнаго. Пусть кромѣ того выслушаетъ и самого премудрѣйшаго Іоанна, ясно восклицающаго: „и мы въ истинномъ Богѣ Іисусѣ Христѣ, Сей есть истинный Богъ и жизнь вѣчная“. (1 Іоан. 5, 20). Но если, устыдясь сего и прекративъ упорство, признаетъ Сына истиннымъ Богомъ, то для опроверженія его словъ мы не станемъ обращаться куда

либо, а воспользуемся его же собственными словами. Неужели, какъ земледѣлецъ оказывается инороднымъ съ виноградомъ, ибо то—человѣкъ, а это—дерево, такъ и виноградная лоза правильно и истинно не должна мыслиться единойродною съ своими вѣтвями? Полагаю, никто не захочетъ дойти до такого безумія, чтобы осмѣлиться отрицать столь очевидное. Поэтому Онъ, будучи Богъ истинный, есть единосущенъ Богу истинному по природѣ, то-есть Отцу, и въ то же время если Онъ—виноградная лоза, а мы вѣтви, очевидно поэтому единоприродныя съ виноградной лозой: то какъ не окажемся и мы богами по природѣ, какъ бы оставивъ свою (тварную) природу? Но думать такъ есть верхъ всякаго нечестія и зла, ибо мы сотворены, а Сынъ есть Богъ по природѣ. Поэтому какъ же это можетъ быть? Какимъ образомъ будетъ истиннымъ это изреченіе о Немъ, если вѣтви единоприродны съ лозою? Необходимо или намъ самимъ возвыситься до природы истиннаго божества, или Ее (божественную природу) низвести до насъ, ибо единоприродны вѣтви съ виноградною лозою. И какъ скоро является Сынъ говорящимъ: „Я и Отецъ одно есмы“ (Іоан. 10, 30), то и мы съ Нимъ восходимъ до подобія во всемъ съ Отцомъ, или и Самъ Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ, единоприроднымъ съ нами, низводится до нашего подобія. Видите, сколько богохульства возникаетъ у насъ отсюда. Поэтому послѣдуемъ лучше истиннымъ разсужденіямъ и признаемъ, что въ видѣ сравненія и примѣра Сынъ сказалъ: „Я виноградная лоза, вы вѣтви, Отецъ Мой земледѣлецъ“.

XV, 2. *Всяку розгу, о Мнѣ не приносящую плода, изметъ ю: и всяку, приносящую плодъ, отрѣбитъ ю, да плодъ болій принесетъ* ¹⁾).

Наша связь со Христомъ благопріобрѣтена нами, имѣетъ значеніе добровольнаго общенія съ Нимъ и совершается любовью и вѣрою. Вѣра вселяется въ наши души, доставляя чистый свѣтъ богознанія. А любовь требуетъ соблюденія опредѣленной Имъ для насъ заповѣди. Такъ въ одномъ мѣстѣ, представляя любящаго, Онъ Самъ сказалъ: „любящій Меня заповѣди Мои соблюдетъ“ (Іоан. 14, 23). Подобаешь поэтому знать, что мы, соединяясь съ Нимъ въ одномъ только словесномъ исповѣданіи, не скрѣпляя связь этого общенія подвигами любви, хотя и будемъ „вѣтвями“, но мертвыми и безплодными, — ибо безъ дѣль вѣра мертва, по слову святаго (Іак. 2, 20 ср. 26). Если поэтому кто окажется и будетъ такого именно рода „вѣтвью“, такъ сказать безплодно свѣшивающуюся съ ствола винограднаго, тотъ пусть знаетъ, что онъ непремѣнно подвергнется ножу земледѣльца, ибо Онъ безъ сомнѣнія срѣжетъ ее и какъ негодную сушь отдастъ въ пищу огню. Таковъ судъ надъ безплодными, какъ и о смоковницѣ, взятой въ видѣ притчи, владыка поля говоритъ земледѣльцу: „сруби ее, для чего и землю занимаетъ?“ (Лук. 13, 7).

Такъ и здѣсь, полагаю, Богъ и Отецъ всего срѣзаетъ безплодную и засохшую массу вѣтвей, безъ всякой пользы висящую на духовной виноградной лозѣ.

¹⁾ Юр. *лоза* Мет. *Добр. розга*. Юр Мет *погѣчется*. Ник. *измешеть*. Кр. Мет *отрѣбитъся*. Ник *отрѣбаетъ*. Ал. *не приносящую*—*вземлет* — *же* *плод* *носящую*—*да множага*, *поздн.* и *Осторож* и *тепер:* *множайшій*, *древн.* *болій*,—*древн:* *творящую*. Въ толк. у Кир. *καρποφοροῦν* какъ П. Клим. вѣк. лат. вмѣсто *τὸ καρπὸν φέρειν* автор.

Думаю я, что Попечитель нашихъ душъ, то-есть Богъ, посредствомъ этой притчи желаетъ показать, какого рода и сколь большой вредъ потерпитъ душа, отсѣченная отъ общенія съ Нимъ. Вѣдь въ ничто обратится и бесполезною будетъ она во всякомъ добродѣланіи,—притомъ безъ сомнѣнія будетъ предана наказанію и станетъ пищею всепожирающаго огня. Такъ опять и чрезъ пророка Іезекіиля, желая возможно яснѣе выразить то же самое, говорилъ: „Сынъ человѣческій! Чѣмъ будетъ дерево винограда изъ всѣхъ деревъ, находящихся между деревьями лѣса? Развѣ возмутъ отъ него бревно для производства (плотничной) работы? Или для того, чтобы вѣшать на немъ всякую утварь? Огонь совершаетъ ежегодное очищеніе его, и онъ истребляется до конца,—развѣ годенъ будетъ на издѣліе?“ (Іезек. 15, 2—4). Разумѣй отсюда, что разъ отсѣченное и окончательно отторгнутое оказывается совершенно негоднымъ и не могущимъ употребляться ни на что нужное, годнымъ развѣ только для одного огня. Не ясно ли поэтому, что хотя бы мы и сдѣлались „вѣтвью“, отторгшись отъ многобожнаго заблужденія и исповѣдавъ вѣру во Христа, но если окажемся лишенными общенія съ Нимъ посредствомъ дѣлъ, то безъ всякаго сомнѣнія развѣ не подвергнемся участи негодныхъ вѣтвей? И что же тогда? Совсѣмъ отсѣкаемся, ибо будемъ преданы огню, лишившись и той животворной влаги, какую нѣкогда мы получили отъ виноградной лозы. Вѣдь то, что сказалъ Христосъ о зарывшемъ свой талантъ, это каждый можетъ видѣть исполняющимся и надъ подвергшимися полному отсѣченію. Какъ у того отнимается и талантъ, такъ, полагаю, и отъ вѣтви (отнимается) Духъ въ видѣ какъ бы нѣкоей влаги или качества.

А отъемлется по какой причинѣ? Чтобы вмѣстѣ съ имѣющими низойти въ огонь не казался осужденнымъ отъ Судіи и Владычній Духъ. Если земные владыки ничего не присуждаютъ поспѣшно тѣмъ, кто разъ удостоены почестей и отличены царскимъ благоволеніемъ, но если бы кто и оказался уличеннымъ въ томъ, за что онъ долженъ потерпѣть справедливое наказаніе, тотъ подвергся бы этому (наказанію) не прежде лишенія (заслуженныхъ имъ) отличій,—то развѣ не необходимо, чтобы душа, Вышнимъ Судомъ присужденная къ наказанію, прежде чѣмъ подвергнута злу, напередъ какъ бы лишилась благодати Духа? Вотъ этому то и подвергнется бесплодная вѣтвь, говоритъ Онъ, прекрасно и сильно подкрѣпляя наши души въ стремленіи имѣть любовь къ Нему, очевидно посредствомъ совершенія добродѣтели и непорочной вѣры.

Также и плодоносная вѣтвь, говоритъ, отнюдь не останется лишенною попеченій земледѣльца, но будетъ очищаться для того, чтобы имѣть силу къ большому плодоношенію. Вѣдь тѣмъ, кто избрали себѣ наилучшую и возможно совершенную жизнь и рѣшились совершать добро и ходить во всякомъ боголюбивомъ жителствѣ, содѣйствуетъ Самъ Богъ, пользуясь силою Духа, какъ бы нѣкимъ ножомъ, и обрѣзая въ нихъ съ одной стороны удовольствія, кои всегда вызываютъ плотолубіе и тѣлесныя страсти, а съ другой — тѣ пороки, кои обычно являются въ человѣческихъ душахъ, загрязняя умъ различнаго вида зломъ. Это, по нашему мнѣнію, и есть то нерукотворное и разумѣемое въ духѣ обрѣзаніе, о коемъ Павелъ говоритъ—въ одномъ мѣстѣ: „ибо не въ наружности—Іудей и не въ наружности въ плоти — обрѣзаніе, но въ сокровенности—Іудей и обрѣзаніе сердца въ духѣ,

(а) не въ буквѣ, кого похвала не отъ людей, но отъ Бога“ (Римл. 2, 28 — 29), — или опять въ другомъ мѣстѣ: „въ Немъ и вы, увѣровавъ, обрѣзаны были обрѣзаниемъ нерукотворнымъ“ (Колос. 2, 11).

И мы, по тщательномъ разсмотрѣннн дѣла, вполнѣ должны согласиться съ тѣми, кои говорятъ на это, что если должно быть нѣкое очищеніе вѣтвямъ духовнаго винограда, а оно не можетъ произойти, какъ полагаю, безъ труда, ибо должно подвергнуться тому же, чему и какъ обычно подвергается дерево: то слѣдовательно соотвѣтственнымъ образомъ подобаеть намъ мыслить и о святыхъ. Вѣдь любящій добродѣтель Богъ нашъ наставляетъ насъ посредствомъ труда и скорби. Такъ и пророкъ Исаія говоритъ намъ: „потому что отмоетъ Господь нечисть сыновъ и дочерей Сіонскихъ, и кровь очиститъ отъ среды ихъ въ духѣ суда и духомъ зноя“ (Иса. 4. 4). Кромѣ того и самъ божественный Павелъ: „если наказаніе терпите, то, какъ къ сынамъ, къ вамъ относится Богъ, ибо какой есть сынъ, коего не наказуетъ отецъ?“ (Евр. 12, 7). Да и самъ, превосходящій всякое удивленіе, хоръ святыхъ не отказывается отъ свойственнаго святымъ наказанія, напротивъ весьма охотно допускаеть, говоря: „накажи насъ, Господи, впрочемъ въ судѣ, а не въ гнѣвѣ, дабы малыми насъ не содѣлалъ ты“ (Перем. 10, 24). Во гнѣвѣ будетъ всецѣлое отсѣченіе безплодныхъ вѣтвей, ибо посылаетъ въ наказаніе. Въ судѣ напротивъ, то есть въ разсмотрѣннн и умѣренной степени,—очищенія плодоносныхъ (вѣтвей), соединенное съ весьма небольшимъ трудомъ, какъ возбужденіемъ къ плодоношенію и происходящей вслѣдствіе этого плодородности. Поэтому нѣкоторые, принимая это, восклицаютъ: „Господи, въ скорби малой наказаніе Твое намъ“ (Иса. 26, 16). Весьма вѣдь ни-

чтожна скорбь очищенія, но доставляетъ намъ вышнее наученіе и дѣлаетъ блаженными. Пусть и блаженный Давидъ будетъ принятъ во свидѣтели, такъ восклицающій: „блаженъ человекъ, кого накажетъ Господь,— и отъ закона Твоего научишь его, чтобы укротить его отъ дней злыхъ“ (Псал. 93, 12—13). По истинѣ ужасны и злы дни для тѣхъ, кои окончательно отсѣчены и должны удалиться для наказанія посредствомъ огня,— дни неподкупнаго суда, — но тогда Богъ кроткимъ явить Себя Богъ для наставляемыхъ. Таковой отнюдь не подвергнется осужденію и наказанію, какъ скоро оказался онъ не бесплодною вѣтвью. Посему съ исповѣданіемъ вѣры пусть сочетается и пылкость дѣлъ и къ словамъ о Богѣ да присоединятся и дѣла. Вотъ тогда то мы и будемъ со Христомъ и обрѣтемъ твердую и крѣпкую силу общенія съ Нимъ, избѣгая опасности отсѣченія (отъ Него).

Это (все) сказано нами теперь, поскольку намъ казалось нужнымъ придавать толкуемому изреченію духовный смыслъ. Но кажется, что Господь желаетъ указать и на нѣчто другое, ясно говоря: *„всякую вѣтвь, во Мнѣ не приносящую плода, отторгаетъ ее, и всякую плодоносящую¹⁾, очищаетъ ее, дабы плодъ большій приносила“*. Вѣтвью, сѣченіемъ Отца отторженною отъ общенія со Христомъ, по моему мнѣнію, обозначаетъ неспособный къ плодоношенію іудейскій народъ, при коемъ и сѣкира положена, какъ говоритъ преблаженный Іоаннъ, присоединяя, что срубаемое дерево будетъ предано огню (Матѳ. 3, 10). Вѣтви же, не подлежащія окончательному отсѣченію, но остающіяся на виноградной лозѣ и долженствующія очищаться божественнымъ попеченіемъ суть какъ увѣровавшіе изъ самихъ іу-

¹⁾ См. примѣчаніе къ тексту.

деевъ такъ и послѣ нихъ обращающіеся изъ язычниковъ, для коихъ хотя и одно очищеніе, ибо Духомъ Святымъ совершается, по писаніямъ, но другого рода и отличенъ образъ очищенія. У израильтянъ отсѣкается хотѣніе продолжать жить и дѣйствовать по закону Моисееву, а изъ сердца идолослужителей изымается увлеченіе древнею прелестью и нечистый соръ неразумныхъ нравовъ, чтобы они могли приносить пріятный и истинно любезный Богу плодъ божественнаго и евангельскаго наученія.

А что и въ этомъ смыслѣ изреченіе также является намъ истиннымъ, нѣтъ ничего труднаго удостовѣриться въ этомъ изъ самихъ божественныхъ писаній. Такъ божественный Павелъ въ одномъ изъ посланій къ увѣровавшимъ изъ іудеевъ, когда они, пренебрегая евангельскими догматами, снова возвратились назадъ, почитая тѣни закона,—пишетъ: „вы отдѣлились отъ Христа, которые закономъ оправдываетесь, отъ благодати отторглись“ (Гал. 5, 4),—и опять: „говорю вамъ, что если обрѣзываетесь, Христосъ вамъ ничѣмъ не будетъ полезенъ“ (ст. 2). Если же желаніе оправдываться по закону дѣлаетъ ихъ чуждыми Христу, то развѣ не вполнѣ безспорно, что отложеніе жизни по закону должно давать возможность общенія со Христомъ? Поэтому Израиль обрѣзывается такимъ именно образомъ, а служившій нѣкогда твари вмѣсто Творца, напротивъ, очищается, свергая исконный недугъ. И дѣйствительно, что говорить имъ Павелъ? „Если, враги будучи, мы примирились съ Богомъ чрезъ смерть Сына Его, тѣмъ болѣе, примирившись, мы спасемся жизнью Его“ (Рим. 5, 10). Обвиняетъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „нынѣ же, познавъ Бога, лучше же—познанные отъ Бога, зачѣмъ опять обращаетесь къ немощнымъ и бѣднымъ началамъ міра, ко-

имъ снова опять рабствовать хотите?“ (Гал. 4, 9). Когда такимъ образомъ желающіе рабствовать немощнымъ началамъ отчуждаются отъ Христа, соединяются же, напротивъ, не хотящіе рабствовать твари вмѣсто Творца, то развѣ не должно считаться общепризнаннымъ, что образъ очищенія для увѣровавшихъ изъ язычниковъ будетъ состоять въ наиболее полезномъ отсѣченіи исконной прелести чрезъ духа, взамѣнъ того многообразно приносящемъ намъ всякаго рода блага? Вѣдь при удаленіи и устраненіи золь на мѣсто ихъ выѣдряется красота добродѣтели, ибо гдѣ удаляется постыдное, тамъ восходитъ и является досточестное.

Должно замѣтить, что хотя обрѣзаніе, совершающее въ насъ дѣло очищенія, и бываетъ чрезъ Духа, но податель Духа есть Сынъ, ибо „отъ полноты Его все мы приняли“, по слову Іоанна (Іоан. 1, 16), и Онъ Самъ сказалъ намъ: „примите Духа Святаго“ (Іоан. 20, 22). Такимъ образомъ очищеніе въ насъ, какъ бы въ видѣ обрѣзанія чрезъ Духа, совершаетъ Отецъ чрезъ Сына. Посему пустымъ оказывается терпкая и нечестивая дерзость нашихъ противниковъ, не убоившихся сказать, что „если виноградною лозою назвалъ Себя Сынъ, а земледѣльцемъ Бога и Отца, то Онъ не долженъ быть одной съ Нимъ природы, ибо никакое основаніе, говоритъ онъ, не позволитъ считать когда-либо одними по природѣ земледѣльца и виноградную лозу.“ Когда такимъ образомъ окажется земледѣльцемъ Сынъ чрезъ обрѣзаніе Духомъ, то пусть уже признаютъ наконецъ, что если земледѣльцы одновидны другъ другу, поскольку они суть люди по природѣ, то очевидно—Сынъ не чуждъ единосущности съ Отцомъ и Богомъ.